

Д. И. Иванов

Сианьский университет иностранных языков, Сиань, Китай
ORCID ID: 0000-0002-1492-0049 E-mail: Ivan610@yandex.ru.

Пространство субъектных зон «Свои» и «Чужие» как феномен политического сознания персонажей (на материале кинотекста «Холодное лето пятьдесят третьего»)

АННОТАЦИЯ. В статье на основе авторской модели изучения кинотекста, базирующейся на оригинальной теории когнитивно-прагматических программ (КПП), исследуется субъектная среда фильма «Холодное лето пятьдесят третьего». Субъектная среда кинотекста сегментируется на отдельные зоны с помощью политических маркеров. Особенности субъектной зоны «Свои» в целом зависят от функционирования базовой партийно-идеологической КПП, которая, с одной стороны, находится в постоянном поиске новых реальных/потенциальных врагов, с другой же, используя свой мощный мифологический потенциал как инструмент манипулятивного воздействия на сознание масс, продолжает активный поиск / «вербовку» новых адептов. Отношения в идеологически маркированной зоне «Свои» (определяющий маркер — «товарищ») построены не на искренности, честности и взаимном уважении, а на том, насколько слова и поступки «товарища» соответствуют установкам доминирующей КПП. Нормой оказываются скрытый конфликт и взаимная манипуляция. Внешний субъектно-ролевой статус личности нестабилен, зависит от установленного соответствия программе. По сути, каждый советский человек наделяется двойственным статусом (потенциальный «враг» / «товарищ»).

Субъектно-ролевая зона «Чужие» складывается из двух со-противопоставленных групп: идеологические враги КПП (на основе маркеров «политический заключенный» / «враг народа») и уголовно-криминальные враги КПП (на основе маркеров «уголовник» / «сурка»). Даже после физической изоляции «чужеродного» субъекта система продолжает проводить «когнитивную адаптацию» его сознания, поэтому в поиске новых инструментов и способов контроля сознания идеологического врага делает ставку на уголовно-криминальную среду. Система-источник и ее «криминальный» вариант обладают общими принципами моделирования и единой целевой направленностью (подавление, подчинение, манипуляция, когнитивная перекодировка сознания субъекта, который воспринимается самой программой как источник реальной/потенциальной опасности), используют схожие деструктивные инструментальные стратегии и имеют общего условного «врага».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кинотексты; когнитивная лингвистика; субъектно-ролевые зоны; политический дискурс; российское киноискусство; кинофильмы; киногерои; свой — чужой.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванов Дмитрий Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, профессор Института русского языка, Сианьский университет иностранных языков; 710128, КНР, Сиань, ул. Вэньюань Наньлу, кампус Чанань; e-mail: Ivan610@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванов, Д. И. Пространство субъектных зон «Свои» и «Чужие» как феномен политического сознания персонажей (на материале кинотекста «Холодное лето пятьдесят третьего») / Д. И. Иванов // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 139-149. — DOI 10.26170/pl20-03-14.

ВВЕДЕНИЕ

Кинотекст (семиотическое обозначение продукта киноискусства), будучи синтетическим образованием, может быть исследован с самых различных сторон: сюжет, ключевые кадры и планы, динамика пластических форм, само сообщение и т. д. Поскольку в гетерогенном языке кино «не существует кода, состоящего из узнаваемых и выделяемых единиц и способов их организации, который являлся бы общим для всех фильмов» [Слышкин, Ефремова 2004: 17], актуальны попытки предложить такое понимание кинотекста, которое отражало бы не отдельные жанровые или структурные особенности, а его концептуально-смысловое ядро. Это тем более важно, что «кино, как художественный феномен, <...> репрезентирует и

целостность высшего порядка — духовную культуру, его породившую» [Лубашова 2008: 228], является носителем трансформированных, но узнаваемых социокультурных смыслов, в том числе так называемых «ментальных репрезентаций» (устойчивых социокультурных представлений в сознании человека). Данные смыслы настолько значимы, что уместно сравнение (пусть и весьма условное): «...кинематограф, как и социология, играет роль инструмента самопознания и самосовершенствования общества» [Мкртычева 2012: 113]. Сказанное в полной мере относится и к *политическому сознанию* (идет ли речь об *изображающем* авторе или *изображаемой* эпохе), но предварительно необходимо кратко пояснить, как связаны когниция (познание в широком смысле), по-

литическое сознание (и политическая идеология) и текст искусства.

По точному выражению Т. ван Дейка, «познание — это „интерфейс“ между дискурсом и обществом» [Дейк 2013: 15], что делает логичным, например, исследование «дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью» [Дейк 2013: 18] или когнитивной функциональности идеологий, управляющих социокультурными знаниями и идеосферой различных социальных групп. Поэтому важнейшей системообразующей чертой политического дискурса является «не его формально-языковая или функционально-жанровая сторона, а его содержательное наполнение» [Лю Хун 2017: 32], т. е. элементы *политического сознания* (политические знания, взгляды, установки). Эвристично в данном контексте широкое, не институциональное, понимание политического дискурса как «совокупности дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов 2003: 245—246].

Широкий «содержательный» подход дает возможность «оперировать понятием „политический дискурс“ при анализе любого речевого акта, в котором затрагиваются (прямо или опосредованно) „элементы политического сознания“: как дружеской беседы о политике или политически окрашенных комментариев интернет-пользователей, так, например, и стихотворения А. С. Пушкина „К Чаадаеву“ или поэме А. А. Блока „Двенадцать“» [Лю Хун 2017: 32]. В подобном случае «между политическим компонентом содержания текста и его собственно художественной стороной складываются сложные отношения, имеющие черты комплементарности и глубинной интеграции» [Лю Хун 2017: 34].

Главной целью, конституирующей сущность политического дискурса, «является борьба за власть, а значит, овладение ею, сохранение, осуществление, стабилизация и перераспределение» [Шейгал 2000: 35]. Соответственно «интенция борьбы за власть как специфическая характеристика политического дискурса создает предпосылки для реализации в нем манипулятивного воздействия» [Михалева 2009: 34] — уже просто в силу «узаконенности» в нем субъективной ангажированности и ценностных трансформаций, так или иначе направленных на агрессивное вытеснение, подмену мнений и самой точки зрения реципиента идеологией, центрирующей данный дискурс.

Когнитивно-дискурсивный (когнитивно-коммуникативный) план исследования поз-

воляет увидеть воплощенное в том или ином тексте политическое сознание с гораздо большей мерой глубинного соответствия объекту анализа, нежели собственно «политологическое» понимание, поэтому предлагаемое в данной статье моделирование субъектной среды кинотекста базируется на достижениях когнитивных наук в их социокультурном измерении. Базовой теорией анализа является оригинальная авторская концепция когнитивно-прагматических программ (КПП), разработанная нами в ряде работ. КПП — это «опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных, оценочно-результативных), формирующаяся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа и выступающая в качестве концептуальной матрицы различной осмысленной деятельности, в том числе текстовой. Концепция КПП <...> исходит из целенаправленной „программируемости“ любой содержательной человеческой деятельности, которую можно семиотически прочесть как текст, и этим сводит воедино семиотический, когнитивный и „личностный“ (от сознания художника до сознания его персонажей) планы анализа» [Иванов, Лакербай 2020: 49].

Не останавливаясь на типологии кинотекстов с точки зрения доминирующей КПП [см.: Иванов 2019], мы обозначим лишь общий критерий выбора. Известный фильм А. Прошкина «Холодное лето пятьдесят третьего» (1987), художественно-игровой по жанру, с полным правом можно назвать идеологическим по типу воплощаемого сознания, по характеристикам субъектной среды. Картина раскрывает драму нашего недавнего прошлого с помощью реконструкции целостного в своей парадоксальности *политического сознания* человека сталинской эпохи; внешнее, условно-приключенческое, сюжетное действие имеет когнитивные мотивировки, составляющие концептуально-смысловое ядро кинотекста.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ

Исходя из очевидной возможности сложного взаимопроникновения политического и художественного дискурсов, мы согласны с утверждением, что «политическая идея может реализовываться в пространстве художественного произведения на любом уровне», а не только «в ригидной, неразрывной связи с определенными персонажами» [Сунь Юйхуа 2017: 49]. Так, целый комплекс *идентификационных политических марке-*

ров формирует общее дискурсивно-контекстуальное пространство кинотекста: от названия фильма и имен партийных вождей до политически оформленных статусов и ролей субъектов сюжетного действия.

Уже название фильма — это и особый тип идентификационного политического маркера, и общая концептуальная формула кинотекста. Первая его часть («пятьдесят третий год») отсылает к историческому контексту, вторая («холодное лето») — к аксиологическому. Специфика семантического взаимодействия этих компонентов основана на принципах: а) смещения реального (конкретные исторические факты и события) и мифологического (искаженные множественные, противоречащие друг другу проекции конкретных исторических фактов); б) частичного/полного неразличения истины и лжи, добра и зла, ужаса и радости (восторга), страха и надежды, веры и безверия, конструктивного патриотизма и тотального фанатизма; в) расслоения и разрушения «сущностного я» советского человека путем его «растворения» в пространстве ложных, искусственно созданных симулятивных самоидентификаций (деструктивных — изменник родины, политический заключенный, враг народа, троцкист-утопист, вредитель, чужеродный элемент, фашистский выкорымыш, и т. д.; конструктивных — комсомолец, коммунист, передовик производства, ударник труда, герой социалистического труда, герой пятилетки, стахановец и т. д.).

Смерть И. Сталина и последовавшие вскоре события (амнистия заключенных ГУЛАГа, «разоблачение» Л. Берии) вызвали в обществе мощную, но неоднозначную интеллектуально-психологическую реакцию, в которой в разных комбинациях сочетаются горе, страх, растерянность, скорбь («холод») и робкая, почти фантастическая надежда («лето»). Показательны в этом плане, например, диалог участкового Манкова с капитаном рейда Фадеичем («**Манков:** Кореша позавчера похоронил. Воевали вместе. **Фадеич:** Скончался от ран? **Манков:** Урки зарезали... в подъезде... с дежурства шел. Форму взяли, наган — магазин грабанули — суки! С пальбой! Это они так амнистию празднуют <...> **Фадеич:** А какая амнистия-то? **Манков:** Ну весной — после смерти товарища Сталина — уголовникам же амнистия была. Берия дал. Я тогда ничего понять не мог — у народа такое горе, а всех урок на свободу... Органы с ног сбились... Кровью захлебываемся, мать твою!..») или диалог двух ссыльных («**Н. П. Старобогатов (Копалыч):** Сережа, Берия Лаврентий Павлович — враг народа. Я не шучу — честное слово.

<...> **С. Басаргин (Лузга):** Думай — что ты несешь... **Н. П. Старобогатов (Копалыч):** Клянусь, Сережа <...> Вы представляете, что это такое. Ведь это давно было ясно <...> Ведь столько невиновных... **С. Басаргин (Лузга):** Нет... Сказки... Не может быть»).

«Невиновность» — понятие в рамках эпохи совершенно условное: «Принадлежность жертв террора к той или иной группе носила для машины террора важный, но второстепенный характер. Его цель <...> направлялась на все общество, на создание в нем специфической атмосферы» [Ахиезер 1999: 85].

Для характеристики субъектной среды кинотекста важно, что советский человек всё еще мифологически «заворожен» идеальной (утопической) моделью социалистического мироустройства, а его когнитивно-ментальное сознание искажено десятилетиями покорности, слепой веры и тотального страха. Как подчеркивал Э. Кассирер, «политические мифы действуют так же, как змея, парализующая кролика перед тем, как атаковать его. Люди <...> побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло» [Кассирер 1990: 58].

Простые люди в этих условиях — всего лишь расходный материал, сырье, необходимое для продолжения тотальной войны, чудовищный смысл которой раскрывает сцена избияния уголовником Мухой политического заключенного Лузги («**Муха:** А, враги народа — троцкисты-утописты — вредители. То-то, я гляжу, хари гнусные (*бьет Лузгу головой в лицо, Лузга падает. Муха бьет его ногами*) (*переходит на крик*) Родину не любишь, да!...»). Объективность обвинения несущественна: все, кто сидел в лагерях по так называемой политической 58-й статье, в массовом сознании автоматически становились «троцкистами-утопистами», «вредителями», «предателями родины», шпионами иностранных разведок.

Введение в пространство кинотекста двух опорных прецедентно-персонифицированных маркеров: «И. Сталин» и «Л. Троцкий» (при всей значимости маркера «Л. Берия», он произведен от маркера «И. Сталин») — обусловлено стремлением креативного субъекта (создателей кинотекста) вскрыть противоречивую, деструктивную, агрессивную-конфликтную внутреннюю природу доминирующей КПП. Каждый из представленных маркеров выглядит как условно самостоятельный оппозиционный концептуально-идеологический блок, формирующий-ся в структуре КПП и внешне раскалываю-

щий ее на два противоборствующих сектора. Однако обе вербализованные в пространстве кинотекста версии большевизма («сталинизм» и «троцкизм») имеют общий источник порождения (доминирующая КПП), в основе которого лежит принцип тотального революционного реакционизма (перманентный поиск / уничтожение реального / абстрактного противника). Эта КПП «живет», пока есть с чем «бороться». Когда условно реальный противник исчезает, она через субъектов-посредников (политического лидера — Сталин, Троцкий, Берия — и рядовых членов партии) начинает создавать искусственные очаги противостояния. В аморальной по своей природе внутривнутриполитической «войне» с народом сталинский тоталитаризм уничтожает всех своих явных / скрытых / возможных «врагов», а инструментами в этой борьбе становятся — в том числе — криминальные элементы.

Субъектная среда кинотекста сегментируется на отдельные (но взаимосвязанные) зоны с помощью особого разряда политических (идеологических) маркеров, которые можно обозначить как *статусно-ролевые*. Это система концептуальных кодов, позволяющих определить статус и роль персонажа в пространстве кинотекста, а также выявить сами принципы организации субъектной среды, механизмы ее сегментации, статико-динамические особенности и причины (условия) изменения статуса субъектных-ролевых групп / отдельных субъектов.

СУБЪЕКТНАЯ ЗОНА «СВОИ»

Ведущую роль в сегментации субъектного пространства кинотекста играет маркер «товарищ», который маркирует особую субъектную зону — «Свои». Его семантическая насыщенность одновременно велика и вариативна (контекстуальна). Так, когда участковый Манков с лодки приветствует Фадеича («Привет товарищу, капитану рейда»), а тот отвечает покачиванием руки, перед нами встреча двух «товарищей», статус которых признан самой «системой». «Товарищ» здесь — это субъект, сознание и модель поведения которого полностью соответствуют доминирующей КПП. В другой же сцене (*вечером после боя С. Басаргин (Лузга) и Фадеич сидят за столом. Лидия Матвеевна наливает Лузге чай. Лузга достает ложку и раскалывает кусок сахара. «Фадеич: Сильно тебя... Здорово задело. (обращается к Лидии Матвеевне) Покрепче, покрепче ему чай наливай. Давно такое белое не надевал. Слушай, Лузга... Ой, как тебя... товарищ... Вот тебя там спросят: как, мол, все было? А ты возьми и скажи: я, дорогие*

товарищи, выполнял указания капитана рейда...») статусный «товарищ» Фадеич *ситуативно* наделяет этим статусом ссыльного «врага народа», спасшего деревню от бандитов, и это означает не переход Лузги в зону «Свои», но некую возможность такого перехода в случае стечения определенных обстоятельств.

Зона «Свои» включает три взаимосвязанные субъектно-ролевые группы: 1) представители закона (две субъектно-ролевые инкарнации: начальник милиции Дмитриук и участковый Манков); 2) гражданские должностные лица (управляющий факторией И. Зотов и капитан рейда Фадеич); 3) гражданские лица, не имеющие официальных должностей (Лидия Матвеевна, Шура, жена и сын Н. П. Старобогатова и др.).

Пространство зоны предельно динамизировано, границы пластичны и проницаемы. Эта особенность определяется спецификой функционирования базовой партийно-идеологической КПП, которая, с одной стороны, находится в постоянном поиске новых реальных/потенциальных врагов (устраняя их, она обеспечивает «безопасное» продолжение своего жизненного цикла), с другой же, используя свой мощный мифологический потенциал как инструмент манипулятивного воздействия на сознание масс, продолжает активный поиск / «вербовку» новых адептов. Попав в зону «Свои», они проходят адаптацию, «встраиваются» в коллективную идеологическую систему, становясь носителями КПП, пропагандистами, доносчиками, осведомителями (бдительный «товарищ» пытается «под дверь» подслушать, о чем будет говорить С. Басаргин (Лузга) с семьей репрессированного).

Статус субъектных единиц зоны крайне нестабилен, насколько бы верными «товарищами» они ни были. Так, капитан рейда Фадеич переживает очень неприятные минуты, чувствуя угрозу изменения своего статуса, когда Манков рассказывает ему, как они с Дмитриуком жгли портреты Берии. Верный адепт КПП, блокирующей его аналитические способности, Фадеич настолько парализован страхом, что впадает в своеобразный транс: глаза широко раскрыты, лицо словно деревенеет. И говорит («Дмитриук — враг народа») как будто не живой человек, а своеобразная субъектно-механическая форма воплощения самой программы: голос механически безэмоционален, монотонен и не принадлежит говорящему. Попытка Манкова вырвать из журнала портрет Берии вызывает моментальное инстинктивно-автоматическое движение: Фадеич механически вскакивает и обеими руками хватается за руку Манкова

(лицо при этом начинает подрагивать, а взгляд остается неподвижным). Фадеич смотрит и не видит, слушает и не слышит, хотя Манков доводит до него надежность источника информации («Манков: Ночью по радио сообщение было <...> Фадеич: Нет... (со страхом хватает руку Манкова) Я не оповещен... Манков: Я тебя оповестил... Фадеич: А по инструкции — кто имеет право портреты уничтожать?») — потому что в данный момент «мыслит», «говорит» и действует не живой человек, а защищающая себя КПП. Пока новая информация не подтверждена официально, Фадеич-система выступает для самого себя как защитник КПП и потенциальный обвинитель и Дмитрия, и Манкова (их официальный статус в этот момент в сознании Фадеича как бы зыблется вместе с его собственным статусом: была ли «инструкция»? не «враги ли народа» Дмитрий и Манков? а может, это провокация, проверка, не является ли он сам скрытым «врагом народа?»).

Отношения в идеологически маркированной зоне «Свои» построены не на искренности, честности и взаимном уважении, а на том, насколько слова и поступки «товарища» соответствуют установкам доминирующей КПП. Даже одно неосторожное слово, потенциально дискредитирующее КПП, порождает мгновенную негативную реакцию (подозрительность, страх, ненависть, агрессию), а друг и «товарищ» может моментально стать врагом. И если, например, «свой» Фадеич для Манкова не опасен (страх Фадеича направлен на себя), то скользкий управляющий факторией И. Зотов — другое дело. Он поднимает и прячет в карман вырванный из журнала и смятый Манковым портрет Берии (потенциальная улика), после чего начинается настоящая «игра нервов» («И. Зотов: Привез? (Манков держит в руках машинку для стрижки волос. Зотов пытается взять ее. Манков медленно отводит руку в сторону. Манков поднимает руку с машинкой вверх. При этом Манков и Зотов начинают смеяться. Зотов пытается дотянуться до машинки) И. Зотов: Ну, давай... (Манков смеется еще сильнее) И. Зотов: Ну, я же не достану. Ты же здоровый... Манков: Не достанешь...»). Это мимический и пластический (жестовый) поединок почти без слов, где показателем истинного (негативного) отношения к собеседнику и к происходящему в целом является смех. После того как Манков в ответ на провокации И. Зотова решает сказать ему о своей осведомленности («А ты бдительный мужик <...> И в кармане у тебя сильный факт...»), характер игры изменяется. Место смеха занимают скрытые

угрозы («Манков: Ну, ты же знаешь, как эту бумажку использовать?... И. Зотов: Да уж, не растеряюсь... Манков: Вот и я знаю...»).

Скрытый конфликт и взаимная манипуляция оказываются нормой в данной субъектной зоне, поскольку доминирующая КПП является мощным инструментом как «инстинкта самосохранения», так и самооправдания. Выразительна сцена, рисующая механизм действия последнего, — встреча вышедшего на свободу С. Басаргина (Лузги) с семьей погибшего в бою с уголовниками Н. С. Старобогатова (Копалыча).

Специфика их семейной ситуации состоит в том, что у них был предоставленный властью «выбор»: отречься от близкого человека, разорвать с ним все связи, признать справедливость предъявленных ему обвинений — или рискнуть поддержать его, пытаться доказать его невиновность. Но, даже проявив «классовую и идеологическую сознательность», родственник «врага народа» всё равно попадает под пристальное наблюдение других «рядовых» носителей программы. Он должен постоянно доказывать свою преданность «системе», в результате чего постепенно перестает верить даже самому себе, так как главным принципом его существования становится страх, в котором и ощущение своего предательства, и страх за свою жизнь. В итоге чувство собственной безопасности у морально и психологически затравленного родственника «врага народа» (и при этом, не забудем, носителя КПП) отождествляется с инстинктом самосохранения самой системы.

Вот почему так мучителен для жены и сына Н. П. Старобогатова диалог с С. Басаргиным: «Сын: Вы считаете, мы должны были пойти вслед за ним и исчезнуть... Как вы можете судить нас. Пришла записка. Тайная. Он требовал отречься. Я хотел, я собирался писать — Сталину, конечно. Вот... Но мама удержала. Мама решила, что он там лучше знает, как надо. Ведь ничего не было известно: почему? За что? Говорили что-то чудовищное... Мы, конечно, не верили, но... Так много людей только пропадало <...> Скажите, он невиновен? С. Басаргин: Нет...».

В мучительных самооправданиях семьи и коротком слове «нет» проявляется вся глубина исковерканности человеческого сознания. Слово «нет» произносит бывший политический заключенный, сумевший сохранить внутреннюю свободу и человеческое достоинство в нечеловеческих условиях, не поддавшийся деструктивной установке программы, изживший ее из себя. Именно поэтому для родных Н. П. Старобогатова слово «нет» (смысл которого — «невиновен,

и вы это знали») — не только приговор их самооправданию, но и прозрение, откровение, разрушающее «мифологический кокон» КПП, который сковал их сознание на многие годы.

В каждом жесте и движении сына Н. П. Старобогатова, старательно подбирающего «правильные» слова, пытающегося смотреть прямо, но отводящего глаза, ощутимо сильнейшее напряжение. Истинный смысл его слов: *как мы могли не поверить в это, у нас просто не было выбора, любой бы на нашем месте поступил так*. Здесь всё противоестественно: тот, кто не способен верить себе самому, кто лишен «сущностного я», просто не в состоянии верить или не верить другому / в другого, даже близкого ему человека. И только короткое «нет» блокирует привычный рефлекторно-автоматизированный механизм «самоконтроля» (а на деле контроля со стороны КПП): нервное напряжение спадает, сын обессиленно садится на край дивана, его плечи и голова опущены вниз. В молчании сына и матери — несказанное, но очевидное: «Слово „нет“ должен (должна) был(а) произнести я. Я же всё это знал(а). Я знал(а), что мой отец (муж) невиновен». Настоящий приговор был вынесен «любящей семьей», которая отрёклась от «врага народа», поскольку даже в семье критерием различения «своего» и «чужого» («вражеского») оказалась доминирующая КПП, обретшая полную власть над сознанием и манипулировавшая им.

Мы видим, как КПП «встраивает» в сознание личности свой защитный механизм (*концептуально-смысловой интерпретационный фильтр*): при восприятии и интерпретации любой информации носитель КПП концентрирует свое внимание не на источнике информации и даже не на своем жизненном опыте, а пытается установить степень ее соответствия принципам доминирующей КПП. Поэтому подлинный субъектно-ролевой статус персонажей фильма определяется прежде всего доминирующей КПП и способностью личности (носителя программы) вырабатывать собственную позицию относительно нее.

Сам же внешний субъектно-ролевой статус личности нестабилен: каждый советский человек наделяется двойственным статусом (потенциальный «враг» / «товарищ»). Доказательством является появление в пространстве фильма двух формально противопоставленных друг другу сцен. В центре первой сцены — «товарищ» Зотов, который на самом деле легко сговорился с уголовниками и потом еще недоволен, что ему предлагают помочь с уборкой их трупов, и только приход перевязанного Лузги путает ему кар-

ты («**Лузга:** Гнида... Сука... *(переходит на крик. Фадеич и Лидия Матвеевна пытаюсь сдержать его)* Пададь! Всю мою жизнь!.. Всю мою жизнь!.. Из-за таких, как ты... *(Зотов испуганно прижимается к стене)* Такие, как ты, должны в лагерях сидеть! А вас в охрану ставят...»). В центре второй сцены — «враг народа» Лузга, который, как только спасает от смерти жителей деревни, ситуативно получает статус «товарищ» (см. выше).

СУБЪЕКТНАЯ ЗОНА «ЧУЖИЕ»

Каждая группа статусно-ролевых маркеров соотносится с определенной субъектно-ролевой группой кинотекста. На основе маркеров «политический заключенный» / «враг народа» образуется субъектно-ролевая группа *идеологические враги КПП*. В нее входят Лузга (С. Басаргин) и Копальч (Н. П. Старобогатов). На основе статусно-ролевых маркеров «уголовник» / «урка» формируется субъектно-ролевая группа *уголовно-криминальные враги КПП* (банда Барона). Данные группы взаимодействуют между собой и образуют особую субъектно-ролевую зону «Чужие».

Пространство этой субъектной зоны четко делится на два подпространства: 1) идеологические (политические) противники КПП; 2) уголовно-криминальные противники КПП. Здесь продолжают действовать и общие принципы функционирования КПП: *иерархичность, деструктивность, манипулятивность, конфликтность, мифологичность, догматизм*. Даже после физической изоляции «чужеродного» субъекта система продолжает проводить «когнитивную адаптацию» его сознания. Ей недостаточно просто «вырвать» человека из жизни, она стремится полностью его себе подчинить и превратить в «благонадежного» носителя КПП.

Дело в том, что человек в лагере постепенно начинает смотреть на жизнь своими глазами. Чем сильнее система (КПП) в лице лагерного/тюремного начальства и надзирателей («вертухаев») пытается воздействовать на сознание человека (побои, унижения, оскорбления, непосильный труд, холод, голод и т. д.), тем «чище» оно становится; физическое лишение свободы значительно повышает степень свободы внутренней (духовной).

Ощущая ослабление своего воздействия на сознание «чужеродных» элементов, система начинает искать новые внутренние способы и инструменты подавления личности. В основе этого процесса лежит изначально различная специфика оценки и идентификации субъектно-ролевых групп зоны «Чужие»: деструктивно-разрушительная энер-

гия КПП направлена прежде всего на подавление сознания политических «врагов». Здесь работает простой принцип: идеологический противник, инакомыслящий субъект, свободная личность («враг народа») значительно опаснее асоциального, аполитичного по своей природе уголовного элемента и должен быть уничтожен в первую очередь. Уголовник просто не способен серьезно угрожать КПП, у него совсем другая цель: стремление к «вольной», сытой, комфортной жизни вне общественного закона. Именно поэтому система относится к нему двояко. С одной стороны, это враг, которого нужно подавить, но враг «внешний», «второстепенный». Им достаточно легко манипулировать. С другой, уголовно-криминальная среда — это источник постоянной демонстрации силы и власти системы, которая, ограждая и защищая «рядовых» носителей КПП от посягательств уголовных элементов на их имущество, здоровье и жизнь, подтверждает свой универсально-конструктивный статус.

Поэтому в поиске новых инструментов и способов контроля сознания идеологического врага система делает ставку на уголовно-криминальную среду. Последняя при этом наделяется свойствами системы-источника и становится ее специфической копией, уголовно-криминальной проекцией, системой в системе. Уголовники, чувствуя условную лояльность со стороны КПП (администрация лагеря), постепенно начинают занимать доминирующее положение в лагерной среде и под пристальным «контролем» системы насаждать свои «законы». В результате субъектно-ролевая группа идеологических (политических) «врагов» КПП испытывает на себе двойное давление.

Система-источник (базовая КПП тоталитарного режима) и ее альтернативный вариант (уголовно-криминальная проекция базовой КПП) обладают общими принципами моделирования и единой целевой направленностью (подавление, подчинение, манипуляция, когнитивная перекодировка сознания субъекта, который воспринимается самой программой как источник реальной/потенциальной опасности). Кроме того, они используют схожие деструктивные инструментальные стратегии и имеют общего условного «врага». Они относятся друг к другу как инвариант к варианту — хотя формально противостоят друг другу. Здесь раскрывается общий механизм развития КПП догматического типа: степень гармонизации всех внутренних подсистем когнитивно-прагматических установок программы напрямую зависит от уровня ее внешней деструктивности. Соответственно, если уро-

вень внешней деструктивности повышается, то возрастает и степень внутренней гармонизации всех ее подсистем. Одновременно с этим понижение уровня внешней деструктивности приводит к дисбалансировке внутренних подсистем КПП.

Яркий пример — сцена разговора Фадеича с Крюком и Бароном (главарем банды): **«Фадеич:** Нет вам отсюда дороги — суд да тюрьма. **Барон:** Почему нет? **Фадеич:** Потому, что вы вошли в конфликт с властью. **Крюк:** Власть нам амнистию дала. Нам всё списали и еще спишут. **Барон:** Что может твоя власть? Убить меня — так и я могу убить тебя и любого... Твоя власть что дала тебе — гроши. А я — я красиво живу. Я беру сколько надо и еще вдвое. Я красиво живу! *(переходит на крик)* А по тебе ходят. Ты подошвы лижешь! **Фадеич:** Я исполняю долг!...». Перед нами комплексная визуализация алогичного, целостного механизма взаимодействия системы-источника (базовая КПП) и системы-варианта (уголовно-криминальная проекция базовой КПП). Ключевое значение в данном контексте приобретают следующие структурно-смысловые элементы: а) субъектно-ролевые инкарнации КПП-источника (Фадеич); б) субъектно-ролевые инкарнации КПП-варианта (Барон, Крюк); в) маркеры внешнего противостояния КПП-источника и КПП-варианта, определяющие специфику их внутреннего единства (целостности).

Маркер 1. Гуманный и справедливый суд Советского государства («Нет вам отсюда дороги — суд да тюрьма <...> вы вошли в конфликт с властью»). КПП-источник противопоставляется бандитскому беспределу (КПП-вариант). Однако это искусственное противопоставление. Гуманизм и справедливость советской системы правосудия — мифоидеологическая иллюзия, «встроенная» системой в сознание каждого «рядового» носителя КПП с целью манипулятивного контроля над человеком. В ее основе лежат два основных принципа: а) слепая вера (органы государственной безопасности всегда работают четко и быстро, ошибки (ложные обвинения) исключены); б) тотальный страх (каждый человек является потенциальным объектом системы правосудия и в любой момент может быть осужден). Суд (трибунал) — это всего лишь деструктивный карательный инструмент системы. Объектом «карательного гуманизма» может стать любой человек независимо от статуса, занимаемой должности и заслуг перед государством. Метафорически эту систему можно назвать «слепым фильтром», работающим по принципу: если есть чело-

век, значит есть и статья, по которой он может быть осужден.

Именно так были обвинены и осуждены по 58-й статье Лузга и Копалыч: «**Лузга** (*поворачивает голову и внимательно смотрит на Копалыча*): Не Лузга я. Басаргин Сергей. (*Копалыч улыбается и снимает шапку*) **Копалыч**: Очень приятно. Старобогатов Николай Павлович. *Английский шпион. Инженер в прошлом — главный... Лузга*: полковая разведка — капитан. *Попал в окружение. Бежал. Вышел к нашим. Один... Копалыч*: Дальше ясно... *Десять лет и поражение в гражданских правах... Лузга*: *И был я в этом плену меньше суток...»; «Копалыч*: Меня забрали в тридцать девятом... Был за границей, значит, шпион...».

Маркер 2. «Истинная» внешняя (физическая) и внутренняя (духовная) свобода советского человека (КПП-источник) противопоставляется тюремному заключению, пребыванию в лагере («Власть нам амнистию дала. Нам всё списали и еще спишут» — КПП-вариант). Формально каждый компонент оппозиции *физическая / духовная свобода* — *заключение может рассматриваться как особый концептуально-смысловой код, определяющий сущностные характеристики одной из форм доминирующей КПП. Так, компонент «физическая/духовная свобода» соотнесен с базовой формой КПП (тоталитарно-репрессивная КПП), которая контролирует сознание «благондежных», «свободных» граждан-«товарищей» Советского государства. Компонент «тюремное заключение / лагерь» генетически связан с модифицированной формой КПП (программа-вариант, уголовно-криминальная проекция КПП), контролирующей сознание «неблагондежных» граждан, «врагов» советской власти, совершивших уголовное или политическое преступление. Зонай функционирования КПП-источника является идеальное Советское государство, основанное на принципах гуманизма, справедливости и равенства. В нем живут счастливые, свободные люди. КПП-вариант реализуется в пространстве тюрьмы, лагеря (ГУЛАГа), в котором изолированные от общества «чужеродные» элементы трудом и кровью искупают свою «вину перед родиной» и проходят специализированную программу идеологической и социальной «адаптации».*

Это противопоставление — искусственно созданная самой же программой иллюзия, направленная на усиление своего манипулятивного потенциала. Мифологизированный конструктивный образ идеального Советского государства на самом деле един

с деструктивным антимифом тюрьмы, лагеря (ГУЛАГа). Это даже не «государство» (ГУЛАГ) в государстве (СССР), а предельно обобщенная псевдореальность, в которой миф и антимиф сливаются в единое целое. Каждый советский человек рассматривается системой КПП (программой-источником / программой-вариантом) и как реальный / потенциальный «благондежный» член советского общества, и как реальный / потенциальный «чужеродный» элемент.

Возникает парадоксальная ситуация: чем выше степень формального противопоставления «свободы» и тюрьмы (лагеря), тем глубже их смысловая целостность. Поэтому амнистия «от Берии» никак не отражается на истинном статусе и положении советского человека. Выходя из одного лагеря, контролируемого уголовно-криминальным вариантом КПП, человек автоматически попадает в другой лагерь (идеальное Советское государство), в котором действуют те же правила и законы (лагерная несвобода заменяется иллюзией свободы, псевдосвободой). Член банды уголовников Крюк совершенно прав, когда говорит о том, что им «всё списали и еще спишут». Именно поэтому амнистию нельзя рассматривать ни как акт исправления ошибок власти (КПП), ни как знак ее раскаяния, сочувствия к невинно осужденным людям, ни как желание вернуть человеку свободу.

Во-первых, степень «свободы» КПП определяется уровнем подавления (контроля) сознания рядового носителя КПП. Во-вторых, «свобода» воспринимается различными вариантами КПП как тотальная игра: программа-источник вступает в искусственное противостояние с программой-вариантом (сталинский репрессивный вариант программы «пытается уничтожить» уголовно-криминальную проекцию самой себя). В действительности цель этой игры состоит в том, чтобы определить, какой из вариантов программы сможет взять под свой контроль (подавить, уничтожить) большее количество носителей КПП. Программа работает так, что «победителем» себя ощущает превращенный в функцию обезличенный человек (носитель КПП), ведь именно его руками программа совершает все деструктивные действия.

Общий принцип этой игры метафорически можно представить в виде маятника. Повышение деструктивности одного из вариантов КПП сопровождается автоматическим ростом степени ее «свободы». В результате активизируется своеобразная «ответная реакция» со стороны альтернативного варианта программы, который стремится восстано-

вить равновесие и повысить уровень своей деструктивности и свободы (на этой игровой войне и строится сюжет).

В таких условиях «благонадежный» носитель КПП воспринимает «свободу» как особую форму подчинения доминирующей программе. Чем выше степень подчинения (снижение волевых, эмоционально-аналитических процессов), тем выше уровень «свободы». При этом основной формой проявления «свободы» становится разнонаправленная агрессия, имеющая два режима проявления: *скрытая агрессия* (слепая вера в универсальный статус КПП; тотальное недоверие к самому себе и другим «рядовым» носителям КПП; необоснованная подозрительность (каждый носитель КПП является реальным/потенциальным «врагом» системы); тотальный страх); *явная агрессия* (анонимное доноительство, «разоблачение заговоров против советской власти» и т. п.). Принципиально, что все эти действия воспринимаются носителем КПП как проявление высшей степени свободы личности.

Для тех же, кто формально носит статус «чужеродного» элемента, высшей формой «свободы» является открытая бесконтрольная агрессия — демонстрация своей физической силы. Основными формами выражения «свободы» в данном контексте становятся драки, убийства, унижения, оскорбления, насилие, воровство, грабеж.

Маркер 3. Безжалостная борьба власти с «чужеродными» элементами. «Высшая мера социальной справедливости» (расстрел), применяемая ко всем «врагам народа» и советской власти (КПП-источник), внешне противопоставляется жестоким убийствам, расправам уголовников («Так и я могу убить тебя и любого...» — КПП-вариант). Когда «высшим» проявлением «свободы» становятся бесконтрольные, беспричинные и бессмысленные акты агрессии, формируется единая, общая для всех видов доминирующей КПП (программы-источника / программы-варианта) деструктивная инструментально-операционная стратегия, направленная на ликвидацию «особо опасных врагов» системы.

Важно, что эту фразу произносит не Фадеич (субъектно-ролевая инкарнация сталинско-репрессивного варианта КПП), а «вор в законе» Барон (субъектно-ролевая инкарнация уголовно-криминального варианта КПП). На данном этапе условно «побеждает» уголовно-криминальная проекция КПП, поэтому сама программа говорит от лица «вора в законе». Фадеич (сталинский репрессивный вариант КПП) растерянно молчит. Однако программа, которую он в дан-

ный момент представляет, сохраняет свою прежнюю функциональную активность. Не случайно фраза, произнесенная Бароном, начинается с таких слов: «Что может твоя власть? Убить меня...». Вопрос о законности (программа-источник) / незаконности (программа-вариант) убийства полностью нивелируется, снимается. Оба варианта программы «планируют» убийства не ради какой-то конкретной цели — убийство (преимущественно невиновных людей) превращено системой в универсальный инструмент бесконечного повышения счета тотально-деструктивной игры.

ВЫВОДЫ

Субъектная среда кинотекста сегментируется на отдельные зоны с помощью особого разряда политических (идеологических) маркеров, которые можно обозначить как статусно-ролевые. Отношения в идеологически маркированной зоне «Свои» (определяющий маркер — «товарищ») построены не на искренности, честности и взаимном уважении, а на том, насколько слова и поступки «товарища» соответствуют установкам доминирующей КПП. Нормой оказываются скрытый конфликт и взаимная манипуляция, поскольку доминирующая КПП является мощным инструментом как «инстинкта самосохранения», так и самооправдания. При восприятии и интерпретации любой информации носитель КПП концентрирует свое внимание не на источнике информации и даже не на своем жизненном опыте, а пытается установить степень ее соответствия принципам доминирующей КПП. Подлинный субъектно-ролевой статус персонажей фильма определяется прежде всего доминирующей КПП и способностью личности (носителя программы) вырабатывать собственную позицию относительно нее; внешний субъектно-ролевой статус личности нестабилен. В итоге каждый советский человек наделяется двойственным статусом (потенциальный «враг» / «товарищ»), и это касается даже «первичной ячейки общества» — семьи.

Субъектно-ролевая зона «Чужие» складывается из двух со-противопоставленных групп: идеологические враги КПП (на основе маркеров «политический заключенный» / «враг народа») и уголовно-криминальные враги КПП (на основе маркеров «уголовник» / «урка»). Даже после физической изоляции «чужеродного» субъекта система продолжает проводить «когнитивную адаптацию» его сознания, поэтому в поиске новых инструментов и способов контроля сознания идеологического врага делает ставку на уголовно-криминальную среду. Последняя при

этом наделяется свойствами системы-источника (иерархичностью, деструктивностью, манипулятивностью, конфликтностью, мифологичностью, догматизмом) и постепенно становится ее специфической копией, уголовно-криминальной проекцией. Система-источник и ее «криминальный» вариант обладают общими принципами моделирования и единой целевой направленностью (подавление, подчинение, манипуляция, когнитивная перекодировка сознания субъекта, который воспринимается самой программой как источник реальной/потенциальной опасности), используют схожие деструктивные инструментальные стратегии и имеют общего условного «врага». При внешнем, формальном противопоставлении советская система правосудия и бандитский беспредел схожи. При этом их деструктивный характер взаимообусловлен: деструктивность КПП-источника порождает разрушительную агрессию КПП-варианта, и наоборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахизер, А. С. Мифология насилия в советский период (возможность рецидива) / А. С. Ахизер. — Текст : непосредственный // *Общественные науки и современность*. — 1999. — № 2. — С. 85—93.
2. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — Москва : Эдиториал УРСС, 2003. — 360 с. — Текст : непосредственный.
3. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с. — Текст : непосредственный.

D. I. Ivanov

Xi'an International Studies University, Xi'an, PRC
ORCID ID: 0000-0002-1492-0049

 E-mail: Ivan610@yandex.ru.

The Space of the Subject Zones “Own” and “Alien” as a Phenomenon of Political Consciousness of Characters (Based on «The Cold Summer of 1953» Screenplay)

ABSTRACT. *This article considers the subject environment of the film “The Cold Summer of 1953” using the author’s model of investigation of the text of a film based on the original theory of cognitive-pragmatic programs (CPPs). The subject environment of the screenplay is segmented into separate zones with the help of political markers. The peculiarities of the subject zone “Own” depend on the functioning of the basic partisan-ideological CPP, which, on the one hand, is in constant search for new real / potential enemies, and, on the other hand, is ever using its powerful mythological potential as a tool for manipulating the mass consciousness, and continues active search for / “recruitment” of new adepts. The relations within the ideologically marked zone “Own” (the determining marker — “Comrade”) are not built on sincerity, honesty, and mutual respect, but on the way the words and actions of the “comrade” correspond to the requirements of the dominant CPP. Hidden conflict and mutual manipulation turn out to be quite normal. The external subject-role status of the person is unstable and depends on the degree of compliance with the program. Actually, every Soviet person is endowed with a dual status (potential “enemy” / “comrade”).*

The subject-role zone “Alien” is made up of two mutually opposed groups: ideological enemies of the CPP (via the markers “political prisoner” / “enemy of the people”) and criminal enemies of the CPP (via the markers “criminal” / “scum”). Even after physical isolation of the “alien” subject, the system continues to carry out the “cognitive adaptation” of their consciousness. That is why, in search of new tools and ways to control the consciousness of the ideological enemy, the state system relies on the criminal environment. The source system and its “criminal” variant have common principles of modeling and target orientation (suppression, subordination, manipulation, cognitive recoding of the subject’s consciousness, who is treated by the program itself as a source of real / potential danger), and use similar destructive instrumental strategies and have a common conventional “enemy”.

KEYWORDS: *screenplays; cognitive linguistics; subject-role zones; political discourse; Russian cinema art; films;*

4. Иванов, Д. И. Моделирование кинотекста: система статусно-ролевых политических маркеров / Д. И. Иванов. — Текст : непосредственный // *Критика и семиотика*. — 2019. — № 1. — С. 298—319.

5. Иванов, Д. И. Когнитивная гуманитарная семиотика: терминология. Аналитические портреты / Д. И. Иванов, Д. Л. Лакербай. — Иваново : ПрессСто, 2020. — 256 с. — Текст : непосредственный.

6. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер. — Текст : непосредственный // *Вестник МГУ. Серия 7, Философия*. — 1990. — № 2. — С. 58—65.

7. Лубашова, Н. И. Феномен кино в социокультурном пространстве / Н. И. Лубашова. — Текст : непосредственный // *Аналитика культурологии*. — 2008. — № 11. — С. 225—231.

8. Лю, Хун. Особенности реализации политического дискурса в художественном тексте: к постановке проблемы / Лю Хун. — Текст : непосредственный // *Политическая лингвистика*. — 2017. — № 3 (63). — С. 31—41.

9. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 256 с. — Текст : непосредственный.

10. Мкртычева, М. С. Кино как предмет социологического изучения: возможности и перспективы / М. С. Мкртычева. — Текст : непосредственный // *Теория и практика общественного развития*. — 2012. — № 12. — С. 113—118.

11. Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. — Москва : Водолей Publishers, 2004. — 153 с.

12. Сунь, Юйхуа. Средства реализации политического дискурса в художественном пространстве романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» / Сунь Юйхуа. — Текст : непосредственный // *Политическая лингвистика*. — 2017. — № 3 (63). — С. 47—55.

13. «Холодное лето пятьдесят третьего» (фильм, 1987) / реж. А. Прошкин ; киностудия «Мосфильм», творческое объединение «Жанр». — Видео.

14. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. / Е. И. Шейгал. — Москва ; Волгоград : Перемена, 2000. — 367 с.

cinema characters; own — alien.

AUTHOR'S INFORMATION: *Ivanov Dmitriy Igorevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Institute of Russian Studies, Xi'an International Studies University, Xi'an, PRC.*

FOR CITATION: *Ivanov, D. I. The Space of the Subject Zones “Own” and “Alien” as a Phenomenon of Political Consciousness of Characters (Based on «The Cold Summer of 1953» Screenplay) / D. I. Ivanov // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 139-149. — DOI 10.26170/pl20-03-14.*

REFERENCES

1. Akhiezer A. S. Mythology of violence in the Soviet period (the possibility of relapse) // *Social Sciences and modernity*. 1999. No. 2. P. 85—93. [Mifologiya nasiliya v sovetskij period (vozmozhnost' recidiva) // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1999. № 2. S. 85—93]. — (In Rus.)
2. Baranov A. N. Introduction to Applied Linguistics. — Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 360 p. [Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku. M.: Editorial URSS, 2003. 360 s.]. — (In Rus.)
3. Dake T. A. van. Discourse and power: Representation of dominance in language and communication. — Moscow: Book house “LIBROKOM”, 2013. 344 P. [Diskurs i vlast': Rezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii / Per. s angl. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. 344 s.]. — (In Rus.)
4. Ivanov D. I. Film Construct Modeling: A System of Status-Role Political Markers // *Critique and Semiotics*. 2019. No. 1. P. 298—319. [Modelirovanie kinoteksta: sistema statusno-rol'nykh politicheskix markerov // *Kritika i semiotika*. 2019. № 1. S. 298—319]. — (In Rus.)
5. Ivanov D. I., Lakerbaj D. L. Cognitive humanitarian semiotics: Terminology. Analytical portraits. — Ivanovo : Presto, 2020. 256 p. [Kognitivnaya gumanitarnaya semiotika: Terminologiya. Analiticheskie portrety. Ivanovo : PressSto, 2020. 256 s.]. — (In Rus.)
6. Kassirer E. Technique of modern political myths // *Vestnik MGU. Series 7. Philosophy*. 1990. No.2. P. 58—65. [Texnika sovremennykh politicheskix mifov // *Vestnik MGU. Seriya 7. Filosofiya*. 1990. № 2. S. 58—65]. — (In Rus.)
7. Lubashova N. I. The phenomenon of cinema in the sociocultural space // *Cultural Analytics*. 2008. No. 11. P. 225—231. [Fenomen kino v sociokul'turnom prostranstve // *Analitika kul'turologii*. 2008. № 11. S. 225—231]. — (In Rus.)
8. Lyu Xun. Elements of political discourse in literary texts: problem statement // *Political linguistics*. 2017. No. 3 (63). P. 31—41. [Osobennosti realizacii politicheskogo diskursa v xudozhestvennom tekste: k postanovke problemy // *Politicheskaya lingvistika*. 2017. № 3 (63). S. 31—41]. — (In Rus.)
9. Mixaleva O.L. Political discourse: Specifics of manipulative influence. — Moscow : Book house “LIBROKOM”, 2009. 256 p. [Politicheskij diskurs: Specifika manipulyativnogo vozdejstviya. — M. : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 256 s.]. — (In Rus.)
10. Mkrtycheva M. S. Cinema as a subject of sociological study: opportunities and prospects // *Theory and practice of social development*. 2012. No. 12. P. 113—118. [Kino kak predmet sociologicheskogo izucheniya: vozmozhnosti i perspektivy // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2012. № 12. S. 113—118.]. — (In Rus.)
11. Slyshkin G. G., Efremova M. A. Film construct (the linguoculturological analysis experience). — Moscow : Vodolei Publishers, 2004. 153 p. [Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza). M.: Vodolej Publishers, 2004. 153 s.]. — (In Rus.)
12. Sun' Yujxua. Political discourse elements in M.A. Sholokhov's novel “And Quiet flows The Don” Political linguistics. 2017. No. 3 (63). P. 47—55. [Sredstva realizacii politicheskogo diskursa v xudozhestvennom prostranstve romana M. A. Sholoxova «Tixij Don» // *Politicheskaya lingvistika*. 2017. № 3 (63). S. 47—55.]. — (In Rus.)
13. “The Cold Summer of 1953” (a 1987 Soviet film). Directed by Proshkin A. “Mosfilm” studio. “Zhanr” creative association. [«Xolodnoe leto pyat'desyat tret'ego» (fil'm, 1987). Rezh. A. Proshkin. Kinostudiya «Mosfil'm». Tvorcheskoe ob'edinenie «Zhanr»]. — (In Rus.)
14. Shegal E. I. Semiotics of political discourse. Monograph. — Moscow; Volgograd : Peremena, 2000. 367 P. [Semiotika politicheskogo diskursa. Monografiya. Moskva; Volgograd : Peremena, 2000. 367 s.]. — (In Rus.)